

Культурная политика США в 2010-2018 гг.: концепция Элеонор Редаэлли

Копцева Наталья Петровна¹

nkoptseva@sfu-kras.ru

Аннотация

В статье раскрываются проблемы культурного планирования современных крупных городов. В концепции американской исследовательницы Элеонор Редаэлли на основе изучения принципов и аспектов культурного планирования таких городов как Нью-Йорк, Сан-Хосе, Чикаго, Денвер и Даллас рассматриваются тематические направления: создание арт-экосистемы, включение искусства в городское пространство, обеспечение равенства, разнообразия и инклюзии с помощью искусства. Данная концепция объясняет, что старейшим принципом культурного планирования города является развитие арт-экосистемы, где поддерживается традиционная и сложная художественная система города, включающая художественное образование, художественную деятельность и сообщества художников, получающие традиционное ресурсное обеспечение. Сложнее обстоят дела с принципом использования возможностей искусства для обеспечения равенства, разнообразия, инклюзии. Показывается различие городского культурного планирования, предлагаются принципы его совершенствования.

Учитывая, что в современной России активно формируется и концептуализируется городская (муниципальная) культурная политика, концепция Э. Редаэлли, построенная на реальных кейсах современных индустриальных и постиндустриальных городов, может быть полезна для теоретической базы этой современной политики.

Ключевые слова: культурная политика, США, Э. Редаэлли, креативные индустрии, искусство

US Cultural Policy in 2010-2018: Eleonor Redaelli's Concept

Koptseva Natalia Petrovna

nkoptseva@sfu-kras.ru

Abstract

---

¹ Сибирский федеральный университет

The article reveals the problems of cultural planning of modern large cities. In the concept of the American researcher Eleanor Redaelli, based on the study of the principles and aspects of cultural planning of such cities as New York, San Jose, Chicago, Denver and Dallas, the following thematic areas are considered: the creation of an art ecosystem, the inclusion of art in the urban space, ensuring equality, diversity and inclusion through art. This concept explains that the oldest principle of cultural planning of the city is the development of an art ecosystem, where the traditional and complex artistic system of the city is supported, including art education, artistic activity and communities of artists receiving traditional resource support. The situation is more complicated with the principle of using the possibilities of art to ensure equality, diversity and inclusion. The difference in urban cultural planning is shown, principles for its improvement are proposed. Considering that in modern Russia urban (municipal) cultural policy is actively being formed and conceptualized, E. Redaelli's concept, built on real cases of modern industrial and post-industrial cities, can be useful for the theoretical basis of this modern policy.

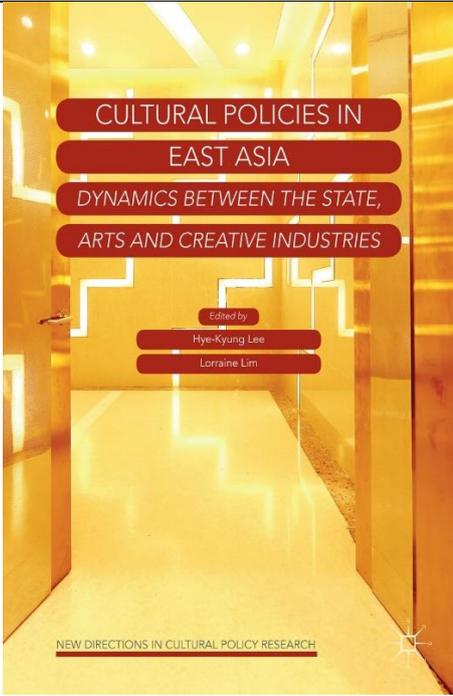
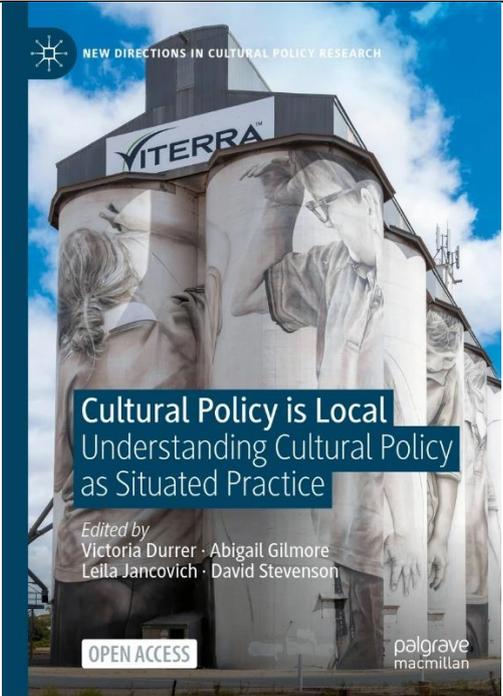
Keywords: cultural policy, USA, E. Redaelli, creative industries, art

Научная проблематика культурной политики разрабатывается в настоящее время в целом корпусе социальных и гуманитарных академических дисциплин (Пименова и Замараева, 2023). Для объективного рассмотрения феноменов культурной политики привлекаются самые разнообразные по подходам и методам направления (Ситникова, 2021; Шпак и Кирко, 2024а, 2024b; Шпак и Барышев, 2024; Зотов, 2024; Карлова и Мясоутов, 2024; Копцева М.С., 2024; Лещинская, 2016, 2024; Пименова, 2024; Сертакова, 2011; Костылев, 2024; Середкина, 2024; Хребтов, 2024; Жигаева, 2024а). Значительное место в современных исследованиях занимают процессы цифровизации (см., напр., Асадчих и Сушинская, 2023; Дегтяренко, 2024; Замараева и Копцева, 2024; Копцева и др., 2023; Колесник и Копцева, 2024; Копцева и Шпак, 2024; Мэн, 2024; Пименова и др., 2023 и другие исследования). К объектам управления в сфере культурной политики относятся искусство и его аспекты (см., напр., Бакланов, 2024; Ермаков и др., 2024; Жигаева, 2024b; Ермаков, 2024; Фролова, 2023; Русская культура..., 2024; Колесник, 2016 и другие исследования). В контексте совершенствования культурной политики исследуется городская культура (см., напр., Копцева и Сертакова, 2015; Сертакова, 2018; Ситникова, 2023; 2024а, 2024b и другие исследования). Рассматриваются исторические аспекты становления современной культурной политики (см., напр., Дегтяренко и Ермаков, 2024; Дегтяренко и др., 2024; Колесник и др., 2023; Квашнина, 2024а, 2024b; Хомушку и др., 2024; Сергеева и др., 2023; Ситникова и др., 2023). Важным исследовательским предметом

являются современные институции культурной политики, включая музей (см., напр., Белецкая, 2024; Иванова и Кистова, 2022 и другие исследования), структуры, связанные с культурными практиками мигрантов, в том числе, учитывающие аккультурационные стрессы (см., напр., Avdeeva, 2018; Кистова, 2013; 2019; Лобакова, 2016; Копцева и др., 2022; Шпак, 2020 и другие исследования). Отдельно необходимо отметить монографические исследования, связанные с общетеоретическими и методологическими разработками в сфере культуры и искусства (см., напр., Копцева и др., 2022; Методы изучения культуры, 2020; Теория и практика прикладных культурных исследований..., 2013; Середкина, 2013, 2024 и ряд других). К наиболее актуальной повестке исследований культурной политики относится изучение влияния технологий искусственного интеллекта на системную целостность современной культуры (см., напр., Колесник и Омелик, 2024; Копцева и др., 2024; Копцева и Замираева, 2023; Копцева, 2025; Шпак, 2021; 2025 и ряд других).

Для современных исследований культурной политики большое значение имеет опыт различных регионов мира, в том числе, связанный с применением современных управленческих технологий для сферы креативных индустрий, искусства, со всеми интересными актуальными практиками, которые характерны для городов и сообществ XXI в., поэтому представляется оправданным выбрать для обзора те работы, которые раскрывают особенности американской культурной политики 2010-х гг. Этот период, с одной стороны, находится в недалеком прошлом и может быть уже подвергнут соответствующей культурологической рефлексии, с другой стороны, это прошлое определяется собой нынешние 2020-е гг. и во многом проясняет современную американскую культурную политику.

С 2014 г. издательство Springer публикует исследовательскую серию «Новые направления в исследовании культурной политики». В настоящее время (март 2025 г.) в этой серии вышли 21 монография. Первой была книга «Cultural Policies in East Asia. Dynamics between the State, Arts and Creative Industries (Культурная политика в Восточной Азии. Динамика отношений между государством, искусством и креативными индустриями)» (рис.1), редакторами которой были британские ученые Хе-Кён Ли (Королевский колледж Лондона, Великобритания) и Лоррейн Лим (Колледж Биркбек, Лондонский университет, Великобритания).

	
<p>Рис. 1 Обложка книги «Cultural Policies in East Asia. Dynamics between the State, Arts and Creative Industries». Источник изображения: https://link.springer.com/book/10.1057/9781137327772</p>	<p>Рис.2 Обложка книги «Cultural Policy is Local. Understanding Cultural Policy as Situated Practice». Источник изображения: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-32312-6</p>

Одно из изданий этой серии издательство Springer разместило в открытом доступе: «Cultural Policy is Local. Understanding Cultural Policy as Situated Practice (Культурная политика локальна. Понимание культурной политики как ситуативной практики)» (2023), научные редакторы Виктория Дюррер, Эбигейл Гилмор, Лейла Янкович, Дэвид Стивенсон (рис.2).

Издательское описание серии определяет принципы подхода к формированию этого списка, а также обозначает ее актуальность:

«New Directions in Cultural Policy Research поощряет теоретические и эмпирические вклады, которые обогащают и развивают область исследований культурной политики. С момента своего появления в 1990-х гг. в Австралии и Соединенном Королевстве и его последующего распространения в Европе, академическая область исследований культурной политики расширилась в глобальном масштабе, поскольку городские, региональные и национальные правительства, а также международные организации переместили искусство и популярную культуру с периферии в центр социального и экономического развития как в риторике, так и на практике. Серия приглашает к участию во всех следующих областях: политика в области искусств, политика культуры, политика

культурных индустрий («традиционные» искусства, такие как исполнительское и изобразительное искусство, ремесла), политика творческих индустрий (цифровые, социальные медиа, вещание и кино, реклама), городская регенерация и городская культурная политика, региональная культурная политика, политика культурного и творческого труда, производство и потребление популярной культуры, политика в области художественного образования, политика культурного наследия и туризма, а также история и политика медиа и коммуникационной политики. Серия будет отражать текущие и возникающие проблемы в этой области, такие как, например, культурная ценность, развитие культуры сообщества, культурное разнообразие, культурная устойчивость, культура образа жизни и экокουλтура, планирование для межкультурного города, культурное планирование и культурное гражданство» (<https://www.springer.com/series/14748>).

Данный текст обозначает серьезные изменения, которые происходят в сферах искусства и поп-культуры, которые и в теории, и на практике преобразуются в центр социального и экономического развития городов, локальных сообществ, регионов и национальных государств. Обозначаются здесь также и понятия, которые связаны с современной культурной политикой: культурные ценности, культуры сообществ, культурное разнообразие, культура образа жизни, городское культурное планирование, культурное гражданство. В российской культурологии «культурное гражданство» понимается также в контексте «культурная идентичность».

Редактором всей серии выступает профессор Элеонора Бельфиоре, профессор кафедры пространства, локальности и креативной экономики, Университет Ковентри, Великобритания (рис.3), признанный в современном научном мире специалист в области культурной политики, культурного менеджмента, в том числе, на материале развития современных британских городов и локальных сообществ.

Книга данной серии, которая находится в открытом доступе, «Культурная политика локальна. Понимание культурной политики как ситуативной практики» была издана под научным редакторством ученых Великобритании и Ирландии, специалистов в области современных креативных индустрий: Виктории Дюррер (факультет истории искусств и культурной политики, Университетский колледж Дублина, Дублин, Ирландия), Эбигейл Гилмор (Манчестерский университет, Манчестер, Великобритания), Лейлы Янкович (Школа исполнительского искусства и культурной индустрии, Университет Лидса, Лидс, Великобритания), Дэвида Стивенсона (Университет королевы Маргарет, Эдинбург, Великобритания).

Рис.3 Элеонора Бельфиоре, профессор кафедры пространства, локальности и креативной экономики, Университет Ковентри, Великобритания. Источник изображения:

<https://www.researchgate.net/profile/Eleonora-Belfiore>

Рис.4 Виктория Дюррер. Источник изображения:
<https://creativefuturesacademy.ie/team/dr-victoria-durrer/>

На сайте издательства о них дана следующая информация:

Виктория Дюррер — научный сотрудник Ad Astra по культурной политике в Университетском колледже Дублина (рис.4).

Эбигейл Гилмор — старший преподаватель кафедры управления искусством и культурной политики Манчестерского университета (рис.5).

Лейла Янкович — профессор культурной политики и участия в Университете Лидса (рис.6).

Дэвид Стивенсон — профессор культурной политики и управления искусством в Университете королевы Маргарет в Эдинбурге (рис.7) (<https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-32312-6#overview>).

Издательство посчитало также значимым опубликовать ряд рецензий на данную книгу, например, такие:

«Этот своевременный том начинает заполнять пробел в литературе о локальном измерении культурной политики. В книге рассматриваются ключевые концептуальные дебаты, политические подходы и тематические исследования из Австралии, Греции, Ирландии и Южной Африки. Она особенно ценна своим междисциплинарным охватом и теоретическими амбициями, а также оригинальностью обсуждения сложных взаимосвязей

между культурной политикой на национальном и местном уровнях». (Франко Бьянкини, заместитель директора Центра культурных ценностей, Университет Лидса)

«В то время как литература о культурной политике сосредотачивает национальное и международное как ключевые места, где политика конструируется и принимается, эта книга выдвигает на первый план важность локального уровня. Она исследует различные концептуализации локального и опирается на идеи из разных дисциплин и тематические исследования в различных географических контекстах, чтобы раскрыть, как культурная политика собирается, адаптируется, реализуется и оспаривается на местном уровне, своевременно учитывая ее повышенную важность во время пандемии. Полученные в этой коллекции идеи будут иметь решающее значение, поскольку города пытаются представить себе более справедливое, равноправное и устойчивое будущее после пандемии». (Дебора Лесли, Университет Торонто)

«Эта освежающая коллекция демонстрирует, что не только локальное является критически важным местом культурной политики само по себе, но и понимание разработки и реализации культурной политики на всех уровнях управления, включая местное, имеет важное значение для оценки динамики этой многогранной политической области. Благодаря своим богатым примерам и междисциплинарному подходу, Cultural Policy is Local является ценным ресурсом для студентов и ученых, изучающих культурную политику, и значительным дополнением к исследовательской области». (Дебора Стивенсон, Университет Западного Сиднея, Австралия) (<https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-32312-6#overview>)

Рис.5 Эбигейл Гилмор. Источник изображения: <https://research.manchester.ac.uk/en/persons/abigail.gilmore>

Рис.6 Лейла Янкович. Источник изображения: <https://stage.leeds.ac.uk/a-lifetime-of-failure-leila-jancovich/>

Книга «Культурная политика локальна. Понимание культурной политики как ситуативной практики» имеет определенную структуру: 10 глав собраны в 3 раздела, и глава 11 является вводной, ее авторами выступили все 4 научных редактора:

1 Размышления о месте и местном. Виктория Дюррер, Эбигейл Гилмор, Лейла Янкович, Дэвид Стивенсон.

Раздел 1 Воспитание локальности

2 Преодоление разрыва в доверии: понимание роли «локализма» и «местного» в культурной политике. Марк Эванс.

3 Масштаб, местная и культурная география политики. Дэвид Белл, Лурдес Ороско.

4 Масштабирование наследия: политика в расширенной онтологии. Хелен Грэм.

Раздел 2 Управление локальностью

5 Цели американского культурного планирования. Элеонора Редаэлли.

6 Управление местными культурными ценностями на уровне сообщества: последствия для неравенства и публичности. Бетани Рекс.

7 Делегированная ответственность: английская региональная политика в области креативных индустрий и местные промышленные стратегии. Зои Хоуп Булайтис, Эбигейл Гилмор.

Раздел 3 Практикуя локальность

8 Возвращение места: культурные инициативы в критских деревнях как факторы вовлечения граждан, местного развития и повторного заселения. Ольга Колокита.

9 Государственное управление «местом»: ярлыки и значение в местном самоуправлении Развитие искусств в ирландских городских окраинах. Виктория Дюррер.

10 От улиц до бункеров: формы городского искусства в местном сельском самоуправлении и проблемы регионального развития. Эмили Поттер, Катя Йохансон.

11 «Политика — это не листки бумаги»: споры и тактики в ориентированных на действия и гибких исследованиях культурной политики. Рике Ситас (<https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-32312-6#overview>).

Внимание привлекла глава 5 «Цели американского культурного планирования», автором которой является Элеонора Редаэлли, Университет Орегона, Юджин, штат Орегон, США (рис.8). В аннотации к этой главе она так определяет ее структуру и цели:

«Несмотря на то, что несколько американских городов выпустили культурные планы и вложили средства и энергию в этот процесс, очень мало эмпирических исследований изучали цели реальных планов, и литература остается довольно нормативной. В этой главе я рассматриваю пять культурных планов, опубликованных в период с 2011 по 2018 гг. городами по всей стране, и выделяю основные темы,

вытекающие из этих документов. Общими целями являются: (1) создание здоровой экосистемы искусства, (2) интеграция искусства с городом и (3) содействие разнообразию, равенству и инклюзивности. Этот анализ подчеркивает, что города в разных частях страны разрабатывают динамичную культурную политику, выдвигая на первый план необходимость исследований культурной политики, чтобы сосредоточиться на местных органах власти для лучшего понимания культурной политики в Соединенных Штатах. Будущие исследования могут дополнить эти выводы, изучив применяемые стратегии взаимодействия с сообществом и изучив, как эти культурные планы связаны с общим процессом планирования их городов» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-32312-6_5).

	
<p>Рис.7 Дэвид Стивенсон. Источник изображения: https://howlround.com/commons/david-stevenson</p>	<p>Рис.8 Элеонор Редаэлли. Источник изображения: https://news.uoregon.edu/expert/eleonora-redaelli-school-planning-public-policy-and-management</p>

Цели культурного планирования, которые выделяет Э. Редаэлли, соответствуют векторам культурной политики современной Российской Федерации, поэтому ее работа может быть вспомогательное значение для дальнейшего концептуального обеспечения и повышения эффективности тех мер, которые в настоящее время предпринимаются самыми различными субъектами российской культурной политики, включая прежде всего государственные органы власти и органы местного самоуправления. Хотя, разумеется, между культурным планированием России и США есть существенные различия, прежде всего, в структуре управления соответствующими процессами в области культуры и искусства.

Глава «Цели американского культурного планирования» также имеет определенную структуру:

Введение.

Американское культурное планирование: каковы цели?

Здоровая арт-экосистема.

Интеграция искусств в город.

Разнообразие, равенство и инклюзивность в искусстве.

Выводы.

Рассмотрим содержание каждого структурного элемента данной главы более подробно.

«Введение

В Соединенных Штатах культурная политика характеризуется системой многоуровневого управления, связывающей различные уровни правительства в вопросах искусства и культуры (Redaelli, 2018). Это означает, что не существует централизованного агентства, которое бы контролировало культурную политику страны, а скорее цепочка учреждений на национальном, государственном и местном уровнях. Они слабо связаны, что приводит к культурному федерализму (Mulcahy, 2002). На национальном уровне Национальный фонд искусств (NEA) «поддерживает образцовые проекты в области искусства в сообществах по всей стране посредством предоставления грантов, инициатив, партнерств и мероприятий» (NEA, 2021). Однако это независимое агентство не играет централизирующей роли с точки зрения мандатов или основных источников механизмов финансирования. На уровне штата в каждом штате и юрисдикции США есть Государственное агентство искусств (SAA) (Mulcahy, 2002). Участие SAA в жизни сообществ и финансирование более значимы, чем у NEA, хотя федеральное агентство часто более известно и находится в центре внимания СМИ (Redaelli, 2018). На местном уровне местные художественные агентства (LAA) обслуживают города или поселки, а также несколько городов, поселков и округов. Они также работают во многих формах, таких как городские или окружные правительственные агентства, некоммерческие организации, коммерческие организации и гибридные некоммерческие/коммерческие организации.

Для понимания американского контекста исследования культурной политики были сосредоточены в основном на национальном и государственном уровнях (Lowell, 2008; Rushton, 2003; Schuster, 2002; Strom & Cook, 2004). Местные перспективы были изучены с учетом LAA (Hager & Sung, 2012; Skaggs, 2020), и все больше литературы анализирует роль искусств в городе (Redaelli & Stevenson, 2021). Однако в целом мало внимания уделялось пониманию местной культурной политики за пределами конкретных тематических исследований. В соответствии с основным аргументом этого тома, я считаю,

что практики культуры всегда находятся в определенном контексте (Gilmore, 2013). Поэтому для исследований культурной политики крайне важно направлять усилия и внимание на местную культурную политику. В частности, важно как можно лучше понимать, как культурная политика позиционируется в дискурсе городской политики в контексте развития сообщества (Redaelli, 2019c). Культурное планирование предлагает богатую отправную точку для этой темы, поскольку это мощный политический инструмент для местной культурной политики, и оно дает представление о ценностях и приоритетах местных сообществ и о том, как они видят взаимодействие искусства с их местами.

В этой главе я изучаю 5 культурных планов. Я выделяю цели, сформулированные в культурных планах как документы, являющиеся результатом процессов культурного планирования. Этот акцент на тексте не призван подорвать важность понимания как самого процесса планирования, так и действий, реализующих план. Он скорее призван обратить внимание на преднамеренное размышление (Hoch, 2012). Другими словами, этот анализ направлен на то, чтобы выделить коллективный голос, который возникает в процессе планирования, и приоритеты, сформулированные сообществом. Для этого анализа я выбрала первые пять крупнейших городов среди американских городов, которые в 2018 г. имели культурный план (Redaelli, 2019c): Чикаго, Денвер, Даллас, Нью-Йорк и Сан-Хосе. Эти 5 городов также являются репрезентативными для различных географических районов страны, предоставляя богатый обзор. Я рассмотрела их культурные планы, используя индуктивный метод и фиксируя основные цели по мере их появления посредством внимательного чтения (Glaser & Strauss, 1967).

Общий аргумент этой главы заключается в том, что цели 5 планов в значительной степени сосредоточены на секторе искусств и желании его поддержать. Более того, это внимание артикулируется с осознанием сложной связи между сектором искусств и его сообществом. Эти многогранные цели культурных планов можно обобщить и понять через призму третьего пространства: «Взгляд на то, как искусство связывается с городом через призму третьего пространства, означает отход от поиска одномерного объяснения и раскрывает их реляционные, многослойные и динамические связи» (Redaelli, 2019a: 12). Среди 5 планов были выявлены 3 основные цели: создание здоровой экосистемы искусства; интеграция искусства в город; и содействие разнообразию, равенству и инклюзивности. В следующем анализе я стремлюсь распутать, как 5 городов реализуют эти темы в качестве действенных инициатив. Анализ 5 культурных планов подчеркивает, что города в разных частях страны вовлечены в усилия по разработке политики, выдвигая на первый план необходимость в исследованиях культурной политики, чтобы

сосредоточиться на этом уровне правительства, чтобы лучше понять культурную политику в Соединенных Штатах. Мне не интересно сравнение как таковое, а скорее важно понимание того, какое значение каждый город придает этим 3 темам в своем собственном контексте. Используя тематический подход, я стремлюсь внести вклад в местный дискурс культурной политики, выходящий за рамки перспективы тематического исследования» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-32312-6_5#Sec1).

Таким образом, во введении Э. Редаэлли подчеркивает своеобразие структуры управления культурными процессами в США, указывает на наиболее важные исследования этого культурного американского менеджмента, обозначает предмет своего исследования – 5 разновидностей культурного планирования пяти американских городов. Она утверждает, что ее академический интерес представляет не собственно содержание этих «культурных планов», а определенное наполнение трех основных тем, которые отражают три основные проблемы современной мировой культурной политики:

- 1) создание здоровой экосистемы искусства;
- 2) интеграция искусства в город;
- 3) содействие разнообразию, равенству и инклюзивности.

Элеанор Редаэлли полагает, что ее исследование позволит дать «коллективный голос» соответствующим городским сообществам, в чьи непосредственные интересы входит и само культурное планирование, и результаты его воплощения на практике. В следующем разделе она выясняет общие цели американского культурного планирования. Рассмотрим содержание данного раздела более подробно.

«Американское культурное планирование: каковы цели?»

Культурное планирование в Соединенных Штатах восходит к концу 1970-х гг., и с течением лет оно развивалось во многих своих аспектах, включая общие цели (Redaelli, 2019a). Самое современное определение дано Американцами за искусство (AFTA) — национальной организацией по защите искусств. AFTA утверждает: «Культурное планирование — это инклюзивный процесс оценки культурных потребностей сообщества и составления плана реализации» (AFTA, 2020: 35). Определение AFTA фокусируется на процессе и подчеркивает взаимодействие с сообществом, что является основополагающим аспектом процесса культурного планирования в Соединенных Штатах (Redaelli, 2019c). Каждый год AFTA проводит опрос для отслеживания бюджетов и программ 4500 LAA. Опрос 2019 г. показал, что 34% LAA завершили или обновили культурный план (AFTA, 2020).

Первое исследование культурного планирования, выделившее его цели, было проведено в 1993 г. (Jones, 1993). Для этого исследования Берни Джонс обследовал 54

сообщества по всем США и заявил, что культурные планы охватывают ряд целей и проблем, более широких, чем «искусство», но «не таких широких, как наиболее антропологически ориентированные определения культуры, которые, как утверждают некоторые планы, затрагивают» (стр. 91). Цели были единственной общей чертой для всех проанализированных планов, тогда как будущие события, такие как шаги действий, список участников или предыстория проекта, были представлены только в некоторых документах. В 1994 г. другое исследование, проведенное Крейгом Дрисзеном, создало типологию планов на основе их основных целей. В опросе 2018 г. Воггур попросил 200 LAA охарактеризовать свой план, используя типологию, созданную Дрисзеном. Это сравнение дало представление о том, как изменились общий процесс и цели культурного планирования за более чем 20 лет (Воггур, 2018), показав сдвиг в сторону «более широких общественных потребностей, а не только внутренних потребностей сектора» (стр. 2). В более позднем исследовании Воггур (2019) описал этот сдвиг целей как общественный поворот искусств, хорошо проиллюстрированный диаграммой, которая сравнивает типологии планов, которые определяются их основной целью (см. рис. 9). Планы, охарактеризованные как «общественные культурные планы», были самыми многочисленными в исследовании 2017 года; более того, наблюдается заметный отход от типологии, которая была сосредоточена в основном на планировании для искусств. Этот сдвиг поднимает вопросы об общей цели искусств, а также о цели процессов культурного планирования. Воггур (2017) заявил: «Как специалисты по культурному планированию, мы должны обсудить, является ли эта практика планированием для институциональных искусств или же это процесс, направленный на учет образа жизни в сообществах и культурных аспектов вариантов политики в рамках спектра муниципальных проблем» (раздел «Здоровая экосистема искусства»).

Ученые и практики утверждают, что до сих пор культурное планирование потерпело неудачу по 3 основным причинам.

Во-первых, оно рассматривается просто как еще одна тема, которую можно добавить в список тематических планов, реализуемых городскими администрациями, вместо того чтобы считаться важнейшим ингредиентом для общего благополучия города. «Оно рассматривается как глазурь на торте, а не как дрожжи, без которых торт не сможет раскрыть свой полный потенциал» (Mills, 2003).

Во-вторых, критики утверждают, что культурное планирование сохраняет культурный статус-кво, отдавая предпочтение западноевропейским формам искусства (Воггур, 2017). При этом культурное планирование отрицает другие потенциалы и запечатлено в социальных предубеждениях.

В-третьих, нет пространства для обсуждения того, какую культурную традицию следует включить, учитывая, что комиссарами по культурным планам обычно являются местные художественные организации, которые находятся на службе у художественных учреждений (Borrup, 2020).

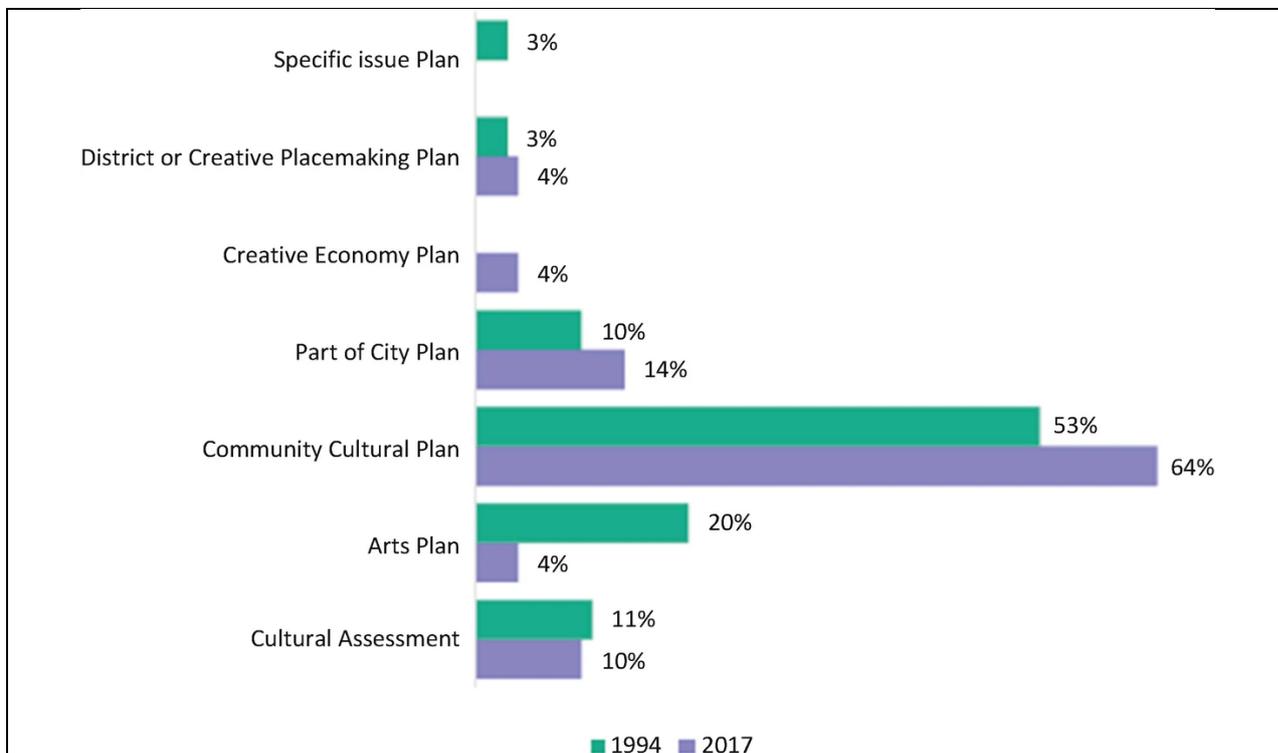

Рис.9 Типы планов 1994–2017 гг. (Cultural Planning at 40—A Look at the Practice and its Progress, by T. Borrup, 2018, p. 5. Copyright by Tom Borrup (Из книги «Культурное планирование в 40 лет — взгляд на практику и ее прогресс», Т. Борруп, 2018 г., стр. 5. Авторские права принадлежат Тому Боррупу)). Источник изображения: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-32312-6_5/figures/1

Другие исследования дают более позитивную оценку, указывая на некоторые достижения культурного планирования. Ковач (2011) продемонстрировал, что культурное планирование в городах среднего размера в Онтарио, Канада, не ограничивалось повесткой дня, ориентированной на искусство, включая природное наследие, транспорт и городской дизайн. Опрос AFTA 2019 г., упомянутый ранее, указывает на интересные результаты, которые включают положительное влияние культурных планов. Они отметили, что культурные планы оказывают положительное влияние на бюджеты ЛАА. Фактически, их результаты показали, что ЛАА, которые работали над культурным планом за последние 5 лет, росли более быстрыми темпами, чем те, у кого не было культурного плана. Это влияние наблюдалось с 1990-х гг. в финансовых опросах.

Мой анализ вносит вклад в дискуссию о культурном планировании, подчеркивая цели пяти планов (см. рис. 10). Я выбрала города Сан-Хосе, Денвер, Даллас, Чикаго и Нью-Йорк, поскольку они были 5 крупнейшими городами среди тех, у которых был культурный план в 2018 г. (Redaelli, 2019c). Я также выбрала их, потому что они дают обзор ситуации в Соединенных Штатах, поскольку каждый из них представляет совершенно иную географическую область. Эти планы были опубликованы в период с 2011 по 2018 гг. и используют различные термины для своих целей. Используемые термины включают цели, задачи, стратегии, видения, рекомендации, приоритеты и потребности. Иногда эти термины использовались взаимозаменяемо, а иногда подчеркивали различные аспекты процесса.

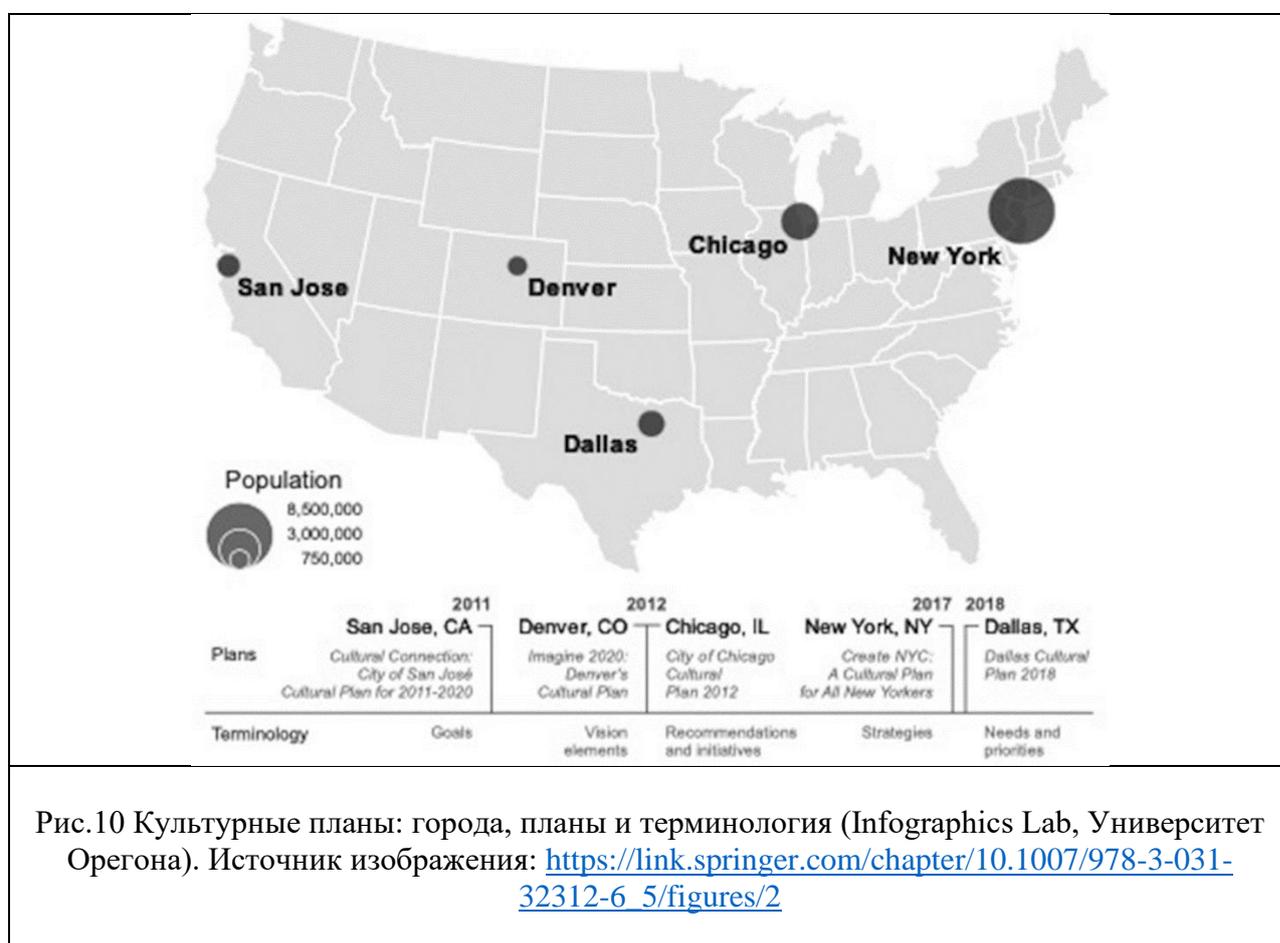

Рис.10 Культурные планы: города, планы и терминология (Infographics Lab, Университет Орегона). Источник изображения: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-32312-6_5/figures/2

План города Сан-Хосе является старейшим и был выпущен в 2011 г.: «Культурная связь: культурный план города Сан-Хосе на 2011–2020 гг.» (City of San José, 2011) перечисляет 10 целей. Чикаго и Денвер выпустили свои планы в 2012 г.: «Культурный план города Чикаго 2012» (City of Chicago, 2012) с выделением рекомендаций и инициатив и «Представьте себе 2020. Культурный план Денвера» (City of Denver, 2012) с подробным описанием 7 элементов видения. Нью-Йорк выпустил «Создайте Нью-Йорк:

культурный план для всех жителей Нью-Йорка» (NYC Cultural Affairs, 2013) в 2017 г., сформулировав различные стратегии на будущее. Даллас опубликовал свои планы в 2018 г.: «Dallas Cultural Plan 2018» (Город Даллас, 2018), в котором объясняются потребности, приоритеты и стратегии. Для этого анализа я использую термин «цель» как обобщающий термин, подменяющий все другие различные термины, используемые в планах, хотя в Сан-Хосе — единственный план, использующий именно этот термин» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-32312-6_5#Sec2).

Таким образом, американские и российские реалии культурного планирования довольно схожи: и там, и там культурное планирование сегодня не является приоритетом общегородской политики, а если такое планирование и есть, то в него не включаются все значимые связи между культурным развитием города и его важнейшими инфраструктурными элементами. Как правило, первую скрипку в развитии культуры играют профессиональные художественные сообщества, которые имеют устойчивое финансирование, а также отсутствует площадка, пространство для включения горожан в активное обсуждение культурного развития их собственного города. Элеонор Редаэлли обосновывает собственный выбор типов культурного планирования пяти значимых для нее американских городов и указывает на основные документы, в которых заключено содержание данных планов. В следующем разделе она рассматривает городские инфраструктуры, связанные с искусством и разнообразными современными художественными практиками урбанизированных сообществ. Рассмотрим содержание данного раздела более подробно.

«Здоровая арт-экосистема»

В исследовании Воггир только 4% культурных планов были отнесены к категории планов в области искусств (см. рис. 9). Однако мой углубленный анализ пяти культурных планов, выпущенных в период с 2011 по 2018 гг., показал, что цель планирования более сильной художественной сцены была весьма актуальной в этих документах. Следует отметить, что внимание к сектору искусств оформлено как экосистема. Термин «экосистема» возник в естественных науках, но все чаще используется в социальных науках для описания сложности различных секторов. В культурной политике он также использовался в качестве основы, поддерживающей инклюзивное промышленное развитие (Barker, 2019) и в контексте дискурса, в котором культура обсуждается как экология (Holden, 2015). В проанализированных планах эта идея включает в себя не только всеобъемлющий взгляд на сектор искусств, но и многоуровневую взаимосвязь с местом и его сообществом. Например, Даллас описал идею культурных экосистем как мест, «куда люди приходят, чтобы творить, переживать и узнавать об искусстве и

культуре» (стр. 23). В плане сообщается о результатах культурной экосистемы, полученных с помощью интерактивной карты, созданной с помощью онлайн-платформы и личных мероприятий. Это упражнение выявило карту с мероприятиями по всему городу, хотя определенная область, Bishop Arts District, все еще выделяется.

Стремление к здоровой экосистеме искусства прописано как поддержка отдельных художников, инвестиции в инфраструктуру искусства и развитие художественного образования. Поддержка отдельных художников является общей целью во всех планах, но она по-разному сформулирована в каждом городе. Это разнообразие стратегий демонстрирует разнообразный спектр художественного взаимодействия с городом, поощряемого литературой (Borén & Young, 2017). Некоторые инициативы направлены на привлечение художников и творческих профессионалов — согласно известной теории Флориды — и преследуют логику пространственной кластеризации, которая может поддерживаться городской политикой (Andersson et al., 2014; Florida, 2002). Другие инициативы рассматривают преимущества давней американской традиции размещения художников (Ryberg et al., 2012; Strom, 2010). Чикаго сосредоточен на привлечении и удержании художников и творческих профессионалов. Они хотят расширить творческие сети с помощью различных форм медиа и развивать разнообразные источники и методы поддержки. Например, они хотят реализовать недорогие программы медицинского страхования для самозанятых художников и развивать структуры поддержки для самофинансируемых художественных проектов. Сан-Хосе также подчеркивает необходимость поддержки творческих предпринимателей с помощью веб-ресурсов, форума творческого бизнеса и программ обучения и профессионального развития. Нью-Йорк стремится поддерживать возможности трудоустройства для местных художников. Однако среди перечисленных стратегий для достижения этой цели они упоминают гранты, определение справедливых уровней компенсации и разработку обучения финансовому менеджменту — все виды деятельности, которые выглядят предварительными по отношению к созданию возможностей трудоустройства. Даллас нацелен на различные стратегии, такие как дисконтное жилье в обмен на участие в жизни района, групповой план медицинского страхования, создание системы регистрации для бронирования рабочих мест и продвижение ценности художников, работающих в нескольких городских советах и комиссиях. Денвер уделяет большое внимание необходимости развивать местные таланты, предусматривая такие инициативы, как программы профессионального развития, создание каталога с ресурсами для художников, повышение доступности местных пространств и запуск кампаний, поощряющих местные покупки.

Инвестиции в инфраструктуру искусств также являются приоритетом. В литературе ставится под сомнение эффективность инвестиций в инфраструктуру для культуры как площадок (Bingham-Hall & Kaasa, 2011). Однако она также отмечает ценность инфраструктуры с точки зрения сети и ассоциаций (Wyszomirski & Cherbo, 2003) и как места пересечения социального и культурного капитала (Stevenson & Magee, 2017). Сан-Хосе подчеркивает необходимость поддержки доступности разнообразных культурных пространств через сообщество, в дополнение к превращению центра города в творческий и культурный центр Кремниевой долины. Кроме того, они объясняют, что укрепление инфраструктуры культурного сообщества означает поддержку искусства и развитие интереса к индивидуальным пожертвованиям, которые составляют всего 14% по сравнению со средним показателем по стране в 31%. В целом они нацелены на увеличение финансирования для более широкого культурного развития. Даллас рассматривает поддержку экосистемы искусств как более широкую цель, на которую направляются все остальные приоритеты, отдавая приоритет использованию разнообразных пространств по всему городу. Благодаря обширному процессу картирования культурной экосистемы они поняли, что инфраструктура искусств сконцентрирована только в определенных областях и предоставляет возможности для определенного опыта. Цель плана — максимально использовать недооцененные пространства и максимально расширить предложение для формальных и неформальных мероприятий. Нью-Йорк нацелен на координацию в масштабах города, указывая, как поддержка искусств и культуры распределяется по различным городским департаментам. Однако меньше внимания уделяется идее развития экосистемы для искусств.

Помимо поддержки отдельных художников и художественной инфраструктуры, цель создания здоровой экосистемы искусства достигается путем продвижения художественного образования. В литературе анализируется несколько вопросов художественного образования, таких как учет множественных повествований о месте (Powell, 2015), разработка преобразующего образовательного опыта для взрослых (Lawton & La Porte, 2015) и изучение программ, разработанных культурными организациями в качестве моделей для сообществ (Sandell & Zimmerman, 2017 ; Soren, 1993). Эти элементы находят отклик во всех пяти планах, проанализированных в этой главе. Их общие цели в области художественного образования направлены на разработку культурно резонансных программ и расширение возможностей обучения искусству для всех жителей. Сан-Хосе подчеркивает, что художественное образование предназначено не только для детей в школах, но и является более инклюзивным, обслуживая взрослых любого возраста. Они используют термин «искусство и культурное обучение» (стр. 23), чтобы подчеркнуть эту

более широкую аудиторию, а также включить не только формальные инструкции, но и многочисленные другие формы опыта. Чикаго подчеркивает необходимость высококачественного художественного образования и программ, которые продвигают идею стать человеком, который учится всю жизнь. Например, они стремятся подготовить подростков к тому, чтобы стать «послами культуры» и делиться художественным контентом в классах с детьми младшего возраста.

В Денвере опрос показал, что 85% жителей ценят художественное образование в школе; однако менее 20% посчитали, что текущее предложение художественного образования для детей хорошее. Город намерен запустить программу по набору и постоянному профессиональному развитию педагогов в области искусств, а также улучшить коммуникацию существующих возможностей обучения, предлагаемых художественными организациями за пределами школ. Интересно, что Нью-Йорк объединяет художественное образование с научным образованием, создавая программы для всех возрастов, которые объединяют эти две области. Это вводит в сообщество попытку преодолеть «великий разрыв» в образовании в XXI в. (Braund & Reiss, 2019). Даллас связывает художественное образование с коммуникацией. В частности, они рассматривают образование в области публичного искусства как часть развития доступа и вовлеченности в искусство: идея, которая связана с художественным образованием на уровне сообщества как программами, которые способствуют контекстному обучению через местные искусства (Ulbricht, 2015)» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-32312-6_5#Sec2).

Таким образом, практически у всех 5 городов в центре культурного планирования находится поддержка арт-экосистемы, сложной структуры художественного образования, художественных практик профессионального и любительского уровней, художественных исследований, преобразования локальных городских пространств в качественные художественные локации. Рассматривается также вовлечение жителей городов в художественные практики, важным для планировщиков является преодоление неравномерности культурного развития различных городских пространств. В более крупных городах ставится проблема подготовки педагогических кадров в области искусства, что увязывается с преодолением образовательного неравенства в сфере искусства, которое накапливалось веками и которое является сегодня базой для новых форм социального неравенства, зачастую скрытых от прямого наблюдения социологов.

Данный раздел имеет прямое продолжение в следующем разделе «Интеграция искусств в город», поскольку целый ряд исследователей американской культурной политики видит во включении художественных практик в решение накопившихся

общегородских проблем серьезный и актуальный инструмент. Рассмотрим содержание следующего раздела более подробно.

«Интеграция искусств в город»

В литературе исследуется сложная связь между созданием искусства в открытых городских пространствах и дебатами о будущем города, утверждая, что часто существует разрыв (Miles, 1997). Мой анализ показал, что рассматриваемые города преодолели этот разрыв и занимаются общественным искусством, которое в значительной степени интегрировано с городскими дебатами на разных уровнях: городское проектирование и развитие, участие сообщества и справедливое распределение искусства в разных районах. Денвер и Чикаго подчеркивают цель интеграции искусства в город путем привнесения искусства в повседневную жизнь людей. Видение Денвера относительно интеграции искусства и культуры в повседневную жизнь людей направлено на то, чтобы предлагать искусство жителям и гостям «везде, куда бы они ни пошли» (стр. 10), информируя каждый аспект городского планирования, транспорта, архитектуры, жилья, общественного пространства и т. д. Напротив, Чикаго формулирует эту цель интеграции искусства и культуры с городом посредством вовлечения искусств в различные секторы: государственный, частный и некоммерческий. Более того, Чикаго, подобно Сан-Хосе и Нью-Йорку, нацелен на интеграцию общественного искусства и городского дизайна. Например, с 1990-х гг. Сан-Хосе создал большую коллекцию общественного искусства. Однако в 2007 г. необходимость лучшей координации с городским дизайном и экономическим развитием привела к созданию генерального плана общественного искусства под названием «Общественное искусство (=Public Art) NEXT!». После этого культурный план включил основные цели генерального плана общественного искусства, рекомендовав расставить приоритеты в ключевых областях развития города, включить общественное искусство в коридоры с интенсивным движением и поддержать проекты общественного искусства в местах скопления людей.

В частности, Нью-Йорк и Чикаго хорошо представляют то, что в литературе называется «пространственным поворотом» в искусстве, который подчеркивает взаимное влияние между искусством и городом (Ardenne, 2002). Этот «пространственный поворот» подразумевает совместное производство между искусством и городским миром, связывающее художественные практики с более широкими социальными проблемами, объединяющее разную публику и преобразующее повседневную городскую жизнь (Molina & Guinard, 2017; Zebracki & Palmer, 2018). Например, портфолио Нью-Йорка по искусству в общественных пространствах довольно богато и разнообразно. В плане подчеркивается, как с помощью скульптуры, уличных представлений, общественных занятий и строк

поэзии, выгравированных на тротуаре, город посылает сообщение о том, что «все здесь принадлежат» (стр. 125). Цель плана по оживлению и активизации общественных пространств продолжает усилия комиссии по искусству, созданной в 1898 г. для одобрения общественного искусства, и Городской программы процента искусства, подписанной в 1982 г. и требующей, чтобы 1% городских сооружений был выделен для произведений общественного искусства. Более того, MTA Arts & Design, филиал городской транспортной организации, заказывает публичное искусство в метро, автобусах и железнодорожных линиях с 1985 г. План призывает к более вовлеченному в сообщество партиципативному искусству за пределами инсталляции, привязанной к месту, и к доступу к общественным пространствам по всему городу для более справедливого распределения искусства. С этой целью они разработали стратегии, помогающие художникам справляться с бюрократическими проблемами работы в общественном пространстве и поддерживать разнообразное программирование на площадях, общественных садах и парках, с особым акцентом на общественное пространство для непредставленных сообществ.

Чикаго также разработал широкий спектр инициатив, от вовлечения сообществ в каждом отдельном районе в выбор общественного искусства до оптимизации зонирования для уличных торговцев и исполнителей. Эти цели наглядно иллюстрируют текучесть процесса, который формирует взаимоотношения между искусством и городом (Zembracki & Palmer, 2018). Он предоставляет очень практичные указания, такие как зонирование или обозначение места, которые операционализируют концептуализацию пространственного поворота искусств путем преодоления бюрократических барьеров в общественном пространстве города. Другие важные рекомендации – необходимость сотрудничества с Торговой палатой для интеграции искусства в коммерческие районы и интеграция истории района в проектирование транспорта района. Эти цели показывают видение общественного искусства как связанного с городским контекстом, функционирующего как посредник между историей и современной повседневностью (Ten Eyck & Dona-Revesco, 2016). Однако в действительности необходимо провести дальнейшее исследование, чтобы выяснить, какие аспекты истории Чикаго стали видимыми и понятными благодаря искусству, а какие — затушеваны.

Эти цели по интеграции публич-арта в городские общественные дебаты привлекают внимание к тому, что такое публич-арт, и иллюстрируют вдохновляющие программы внедрения художников в городскую администрацию. Нью-Йорк утверждает: «Публичное искусство — это действительно фрески и статуи, но это также художники, работающие в государственных учреждениях» (стр. 127). Примером такого рода

инициативы является новаторская работа Мирле Ладерман Юкелс с Департаментом санитарии в конце 1970-х гг. Она создавала перформансы, взяв на себя обязанности уборщиков или рабочих по техническому обслуживанию, чтобы привлечь внимание к их роли (Kennedy, 2016). Недавно она также сотрудничала с городом, чтобы отметить работу работников сферы услуг во время пандемии Covid-19, сотрудничая с Музеем Квинса. В 2015 г. город запустил программу Public Artists in Residence (PAIR), которая внедряет художников в городские департаменты, чтобы предлагать креативные решения гражданских проблем. Похожая идея резиденции, названная «Художнические микрорезиденции», появилась в Далласе в качестве недельной пилотной программы. Например, фотограф Кейл Элфорд работал с Управлением по приему общин и делам иммигрантов и исследовал, как обмен изображениями может сделать иммигрантов и беженцев более заметными и желанными для жителей Далласа.

С помощью этих программ Нью-Йорк и Даллас нацелились на то, что в литературе определяется как «творческие коммуникативные возможности» (Borén & Young, 2013: 1810), которые являются способами объединения художников и государственных служащих для изменения социального будущего. Более того, Чикаго и Денвер иллюстрируют приверженность «творческим коммуникабельным возможностям» с различными типами инициатив. Чикаго разработал рекомендации по интеграции художников во все сектора, включая частный сектор. Две инициативы, разработанные для частного сектора, включают следующее: «Творческая работа», круглый стол лидеров культуры и художников, решающий такие вопросы, как развитие персонала, мотивация и решение проблем; и «Художник на день», корпоративная программа культурной осведомленности, предоставляющая возможность побыть тенью художника в течение дня. Акцент Денвера на сотрудничестве с городской администрацией строится вокруг лидерства. В частности, план призывает к коллективному лидерству в бизнесе, правительстве, благотворительности и гражданском секторе. Это принимает разные формы: альянс между организациями, встречи лидеров, поддерживающих искусство, и выборных должностных лиц, вдохновляющие спонсоры и продвижение следующего поколения лидеров.

Внимание к соседству является общей целью всех пяти планов. Даллас разработал типологию районов для развития искусств и культуры, которая включает четыре модели: направления искусства

- 1) в центре города,
- 2) смешанный урбанизм искусства для изучения,
- 3) жилые возможности для искусства и

4) возможности для искусства в нетрадиционных пространствах.

Каждая из моделей поддерживается тенденциями в литературе: инвестиции в искусство для оживления центра города (Campo & Ryan, 2008; Strom, 2002), многофункциональная зона с искусством в качестве главной достопримечательности (Frost-Kumpf, 1998 ; Redaelli, 2019b), жилые возможности для художников в форме жилья для художников (Ryberg et al., 2012; Strom, 2010; Trask, 2015) и использование нетрадиционных пространств для целей искусства (Borrup, 2011; Colomb, 2016). Эта типология возникла из анализа, который подчеркивает, как сообщество Далласа охватывает 400 уникальных районов. Создание типологии для искусства и культуры полезно: оно помогает представить взаимодействие искусства со всеми районами, поддержать дифференциацию предложений как более чувствительных к месту и избежать всеобщей стандартизации города.

Денвер направляет внимание на район в рамках цели доступности. Они хотят определить и инвентаризировать все ресурсы в каждом районе и в то же время убедиться, что каждый район наполнен искусством и культурой. Поэтому их главная забота — определить стратегии для культурного картирования (Duxbury et al., 2015). Чикаго, Сан-Хосе и Нью-Йорк сосредоточены на улучшении и координации культурной жизни района (Rosenstein, 2011). Чикаго стремится прославлять наследие каждого района и способствовать связям и обменам между районами, а Сан-Хосе стремится разработать комплексную инициативу на уровне района для улучшения культурных ресурсов на низовом уровне. Наконец, Нью-Йорк инвестирует в сохранение характера района во всех городских районах с помощью маркетинга, картирования и программ по созданию потенциала сообщества.

Интеграция искусств в город — это не только цель, которая направлена на благо жителей, но и стратегия превращения каждого города в пункт назначения. Неудивительно, что этот аспект не считается областью потребностей для Нью-Йорка. Остальные четыре города подчеркивают две цели, которые появились в литературе: необходимость развития культурного туризма для привлечения посетителей (Hargrove, 2014) и необходимость разработки лучшей коммуникации о текущих предложениях, что приведет к глобальному брендингу (Okano & Samson, 2010). Однако ни в одном из планов не упоминается аспект, выделенный в литературе, который оценивает культурное планирование как форму *организационного обучения для искусств и города, нацеленного на создание «формирования маркетингового альянса направления»* (Hager & Sung, 2012: 402). Несмотря на то, что у Чикаго уже есть довольно серьезная международная репутация, он видит необходимость инвестировать в укрепление своего бренда как глобального пункта

назначения и в продвижение культурного туризма. Сан-Хосе повторяет цели, изложенные в «Экономической стратегии 2010», состоящие в разработке комплекса мероприятий в области искусства, развлечений и спорта, чтобы сделать город туристическим направлением. Фактически, они говорят о содействии «качеству места назначения» (стр. 25) мероприятий, разработанных в соответствии с высокими стандартами программирования и, в частности, направленных на привлечение посетителей. Даллас стремится сделать город местным, национальным и международным культурным направлением посредством улучшения коммуникации. Фактически, среди своих четырех приоритетов они подчеркивают необходимость общего улучшения коммуникации культурных предложений Далласа. Формулировка, выбранная Денвером для этой цели сделать город направлением, необычна, но сильна. Они заявляют, что их цель — усиление, которое подчеркивает, как много уже есть того, что нужно преувеличить для жителей и мира, позиционируя Денвер как «Творческую столицу Запада Скалистых гор» (стр. 36)» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-32312-6_5#Sec2).

Интереснейший раздел, где рассказывается об особенностях включения искусства и художественных практик в значимые городские процессы и события и описываются различные городские стратегии и тактики такого включения. Как правило, художественные практики соучаствуют в формировании культурного бренда города, поддерживают решение проблем районного городского неравенства, помогают усиливать внутригородские локальные коммуникации, делают свой город привлекательным для туризма. Особенного внимания заслуживает тема паблик-арта в контексте городского культурного планирования. Включение местных сообществ и городского управления в использование художественных и социально-культурных возможностей произведений паблик-арта – крайне интересная и актуальная для современных российских городов тема, где начинают появляться собственные фестивали различных форм паблик-арта и складывается художественно-исследовательское направление, подчеркивающее значение паблик-арта для всех горожан и туристов. Социально-культурная тема продолжается уже более конкретно в следующем разделе данной главы «Разнообразие, равенство и инклюзивность в искусстве», где Элеонор Редаэлли подчеркивает значение искусства для решения сложных и древних социальных проблем. Рассмотрим содержание данного раздела более подробно.

«Разнообразие, равенство и инклюзивность в искусстве»

В последние годы несколько инициатив были сосредоточены на улучшении разнообразия, равенства и инклюзивности (DEI) в секторе искусств. Например, Комиссия по делам искусств округа Лос-Анджелес (2017) участвовала в 18-месячном процессе

планирования, посвященном исключительно вопросам равенства и инклюзивности в культурном секторе и тому, как округ распределяет свои инвестиции. Еще один пример того, как сектор искусств привержен DEI, исходит из Сиэтла. С 2015 г. Управление искусств и культуры Сиэтла взяло на себя официальное обязательство по расовому равенству, которое включает в себя программы по наращиванию потенциала, пространству и грантам в соответствии с городской инициативой по расовой и социальной справедливости (City of Seattle, 2021). Более того, исследование, в котором анализировались заявления о миссии 55 LAA, показало, что 26 из них включили внимание к вопросам DEI, демонстрируя постепенную приверженность культурному равенству при формировании своих программ (Skaggs, 2020). Эта идея основана на определении AFTA, в котором говорится, что «культурное равенство включает, помимо прочего, тех, кто исторически был не представлен по признаку расы/этнической принадлежности, возраста, инвалидности, сексуальной ориентации, пола, гендерной идентичности, социально-экономического положения, географии, гражданства или религии, но представлен в разработке политики в области искусства» (AFTA, 2016).

Более широкий сектор планирования также развивает внимание и приверженность вопросам DEI, в то время как культурное планирование только недавно начало заниматься этими вопросами. Американская ассоциация планирования предоставляет руководящие принципы для создания всеобъемлющих и тематических планов посредством инклюзивного процесса и для удовлетворения потребностей недостаточно представленных членов сообщества (Американская ассоциация планирования, 2019). Эти руководящие принципы делают вопросы DEI центральными в дискурсе планирования. Однако эти вопросы все еще прокладывают себе путь в городских планах. Что касается конкретно культурных планов, вопросы DEI были включены только в последние несколько лет. Опрос Воггур (2018) показал, что «выделение большего количества ресурсов для недостаточно представленного сообщества заняло самое низкое место среди всех результатов культурного планирования в 2017 г.» (стр. 22). Только 30% сообщили о некотором прогрессе, и только 4% выделили гораздо больше финансирования для недостаточно представленных сообществ. Эти данные свидетельствуют о том, что культурное планирование пока не сыграло решающей роли в создании равноправных городов (Vogur, 2017).

Исследование перспектив DEI в 64 культурных планах за последние 20 лет, проведенное в 2021 г. (Ashley et al., 2021), показало, что эти практики применялись неравномерно. Авторы включили планы, ориентированные на комплексный взгляд на искусство и культуру, выбранные из базы данных, составленной AFTA. Как упоминалось

в разделе «Американское культурное планирование: какие цели?», AFTA предлагает самую актуальную доступную базу данных, составленную в ходе опроса LAA. Один из выводов показал, что из 64 планов 54% не включали никакой демографической информации по всему городу. Среди 5 планов, проанализированных в этой главе, только план Далласа предоставляет данные об общей демографической ситуации города, уделяя особое внимание возрасту, этнической принадлежности и расе. Эта информация сыграла важную роль в обеспечении того, чтобы во время набора участников разнообразие и состав города были адекватно представлены. В целом, Ashley et al. (2021) утверждал, что в процессе планирования 64 культурных планов очевидна перспектива белого большинства. Менее десяти процессов планирования были нацелены на маргинализированные группы. В языке часто использовались инклюзивные термины, но они редко были определены. Например, слово «разнообразие» часто относилось к разнообразным предложениям в области искусства, а не к происхождению людей. Только в планах, завершенных за последние 4 года, справедливость возведена в ранг основной цели.

Планы, которые выделялись в исследовании Ashley et al. (2021) по выдвиганию тем DEI на передний план, были двумя из планов, проанализированных в этой главе: планы Далласа и Нью-Йорка. «В Далласе мы представляем себе город людей, чей успех и благополучие не предопределены их расой, возрастом, инвалидностью, сексуальной ориентацией, полом, социальным положением, почтовым индексом или статусом гражданина» (стр. 57). Даллас выдвигает как равенство, так и разнообразие в качестве главных целей своего плана. Равенство является первым приоритетом плана. С этой целью они стремятся поддерживать формы искусства и художников, не ограничивающихся европейским канонem. Разнообразие является вторым приоритетом, и оно сформулировано как необходимость лучше представлять и обслуживать свое многогранное сообщество посредством разнообразия программ, персонала и организационного руководства. Равенство и инклюзивность являются главными целями Нью-Йорка, и они были наивысшими приоритетами, выраженными вовлеченностью сообщества. «В этом контексте «справедливость» в широком смысле означает, что активы распределяются справедливо и честно на благо общественности» (стр. 71). Смелое заявление Нью-Йорка направлено на содействие справедливости посредством перераспределения финансовых ресурсов. Что касается включения, они подчеркивают необходимость предоставить людям с разным опытом возможность в полной мере участвовать в системе. Они отмечают, что разнообразие не обязательно означает включение и что следует прилагать больше усилий для участия во всем секторе. Мэр де Блазио подчеркнул, что план направлен на финансовую поддержку усилий культурных

организаций по диверсификации своего персонала и руководства, чтобы создать культурный сектор, который будет похож на жителей города. Однако уместно отметить, что план является лишь дорожной картой, и предлагаемые направления должны быть поддержаны городским бюджетом (Pogrebin, 2017).

Планы Чикаго и Денвера были опубликованы в 2012 году, но решали вопросы DEI совершенно по-разному. Чикаго упоминает разнообразие жителей, вовлеченных в процесс планирования, придерживаясь того, что в литературе считается основополагающим аспектом участия граждан (Redaelli, 2012). Однако они не представили DEI как одну из своих целей. Они даже не упомянули термины «равенство» и «включение» в плане. С другой стороны, Денвер вписал в свои цели развитие сектора искусств, включающего всех. Они хотят решить вопросы социального равенства и барьеров для участия: «Искусство, культура и творчество служат как социальным уравнивателем, так и моделью для подлинного выражения» (стр. 10). Эта цель подчеркивает как индивидуальные, так и внутренние преимущества искусств для личного благополучия и их способность содействовать социальным изменениям (Belfiore & Bennett, 2008). Об инклюзивности усилий при подготовке плана свидетельствует использование двуязычного инструмента для сбора информации о приоритетах сообщества, а также разработка опроса, сравнивающего культурные сходства и различия между афроамериканцами и латиноамериканцами.

Сан-Хосе несколько раз подчеркивает в плане разнообразную идентичность города. «Разнообразие является наиболее часто упоминаемым элементом культуры Сан-Хосе, как демографический факт, так и давнее гражданское обязательство» (стр. 3). Однако разнообразие не указано среди целей плана, а скорее, как результат искусства и культурной деятельности, и одна из целей заключается в создании доступности культурных пространств во всем сообществе. В плане изложены пять руководящих принципов, которые обосновывают общие цели. Среди 5 руководящих принципов плана идея культурного плюрализма является ключом к выдвижению искусства и культуры на передний план для представления разнообразия людей, их традиций и ценностей. Этот принцип основан на работе Марии Росарио Джексон, утверждающей, что эффективный способ создания разнообразных сообществ — через искусство и культуру (Rosario Jackson, 2009). Джексон утверждает, что для диверсификации сообщества крайне важно использовать искусство и культуру для создания мостов между различными группами, и рекомендует создавать пространства для определенных художественных групп и сообществ, которым они служат. В Сан-Хосе DEI не выступает как цель как таковая, а скорее, как базовые предположения, определяющие необходимость и ценность

инвестиций в инфраструктуру для искусства и культуры» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-32312-6_5#Sec5).

Таким образом, в данном разделе раскрываются существенные различия культурного планирования 5 американских городов относительно возможностей искусства и художественных практик решать социальные проблемы неравенства и необходимости инклюзии. Элеонор Редаэлли полагает, что данные возможности сами по себе были осмыслены не так давно в исследовательской литературе и что в ближайшем будущем культурное планирование осознает возможности соответствующих художественных практик и включит эти практики в разработки своих культурных планов.

Завершается глава разделом «Выводы», рассмотрим содержание данного раздела более подробно.

«Выводы»

В этой главе было подчеркнуто, что цели американских культурных планов включают создание здоровой экосистемы искусств, интеграцию искусств с городом и продвижение DEI. Эти цели показали, как внимание к сектору искусств переплетается с его сообществом и, в более широком смысле, с его местом, преодолевая разрыв между искусством и городом или идею о том, что культурные планы должны быть сосредоточены исключительно на потребностях сообществ. Это осознание того, как искусство взаимосвязано с их городами, означает понимание того, что искусство процветает, если оно интегрировано в сообщество, и место становится ярким благодаря процветающей художественной сцене. Более того, этот анализ показал, как местный дискурс резонирует с самой выдающейся научной литературой.

Три основные цели, обозначенные выше, сформулированы посредством различных инициатив. Например, программы поддержки отдельных художников и художественного образования изложены рядом с инициативами по инвестициям в инфраструктуру искусств, публичное искусство и кварталы. Несколько мероприятий направлены на изменение социального будущего посредством «творческих коммуникативных возможностей», которые объединяют государственных служащих и художников. Искусство также представляет разнообразные сообщества города и делает его местом назначения. Растущая приверженность решению проблем DEI проявляется в усилиях по охвату более широкого сообщества в процессе планирования, и они включают формы искусства, не ограничивающиеся европейским каноном, и которые представляют многогранное сообщество, предлагая людям с разным опытом возможности участвовать в системе и перераспределять финансовые ресурсы.

Изучение 5 городов, расположенных в очень разных частях страны, показало, что, хотя в Соединенных Штатах нет центральной власти, диктующей приоритеты местным органам власти, общий национальный дискурс объединяет цели различных местных сообществ. Однако также стало ясно, что каждый город придает смысл трем общим целям в соответствии со своим собственным конкретным контекстом. Самое главное, что каждый город подчеркивает связи между искусством и местными сообществами с точки зрения как удовлетворения своих потребностей, так и развития своих сильных сторон. Это показывает, как общие цели имеют определенную локальную артикуляцию, поддерживая утверждение тома о том, что культурная политика является локальной, а понимание культурной политики является ситуативной практикой.

Необходимы дальнейшие исследования для лучшего понимания общего процесса планирования, с особым вниманием к стратегиям вовлечения сообщества. Учитывая центральное внимание к участию сообщества и растущий интерес к инклюзивности, было бы познавательно выделить стратегии, используемые различными культурными планами для вовлечения своих сообществ. Такого рода анализ дал бы критический взгляд на вовлеченность сообщества и создал бы возможность поделиться различными стратегиями, чтобы города могли учиться друг у друга. Более того, исследование связи между культурными планами и комплексным процессом планирования могло бы дать представление о роли культурного планирования в общей повестке дня городской политики.

В целом, этот анализ дал важные идеи об американской местной культурной политике. Довольно часто в национальных и международных академических кругах широко распространено мнение, что в Соединенных Штатах нет культурной политики или что их правительство не поддерживает искусство. Напротив, этот анализ пяти культурных планов городов по всей стране продемонстрировал, насколько американская местная культурная политика жива, связывает искусство с местом и оживляется многочисленными творческими усилиями. Однако еще многое нужно распаковать и прояснить, чтобы лучше понять полную картину и динамику процесса культурной политики. Надеемся, эта глава вызовет интерес к дальнейшему продолжению исследования для более информированного понимания американской местной культурной политики» (https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-031-32312-6_5#Sec5).

Таким образом, основные цели культурного планирования в концепции Элеонор Редаэлли – это создание здоровой экосистемы искусств, интеграцию искусств с городом и продвижение культурного разнообразия, равенства и инклюзивности. Исследовательница полагает, что так или иначе эти три цели присутствуют в культурном планировании

современных американских городов, хотя и в разном объеме. Наиболее характерен подход, связанный с развитием арт-экосистемы современного города, когда поддерживаются городские художественные сообщества, которые имеют устойчивое традиционное финансирование. В меньшей степени городские планировщики реализуют возможности художественных практик, связанные с возможностями искусства способствовать решению проблем равенства, справедливости, инклюзии в широком смысле этих понятий.

Выводы

В современной России идет активное формирование муниципальной культурной политики, связанное с осмыслением главных задач государственной стратегии культурной политики. Можно сказать, что создается принципиально новая модель этой политики, связанная с концептуальными подходами и с участием российских городов в формировании единого культурного пространства страны.

Опыт современных американских городов в области культурного планирования и в осмыслении актуальных целей данного планирования важен. В России чрезвычайно развита арт-экосистема, включающая как художественное образование, так и развитые художественные культурные практики. В крупных городах складываются искусствоведческие и культурологические центры по изучению локального и регионального искусства. Концепция Элеонор Редаэлли, в центре которой 3 цели: создание здоровой экосистемы искусств, интеграцию искусств с городом и продвижение равенства, разнообразия и инклюзии в городском пространстве, может быть применена для моделирования соответствующих теорий и методологий построения концепций культурной политики современных российских городов.

Список литературы

1. AFTA. (2016). Definition of cultural equity. <https://www.americansforthearts.org/about-americans-for-the-arts/our-statement-on-cultural-equity>
2. AFTA. (2020). 2019 profile of local arts agencies. AFTA.
3. American Planning Association. (2019). Planning for equity policy guide. American Planning Association.
4. Andersson, Å. E., Andersson, D. E., Daghbashyan, Z., & Hårsman, B. (2014). Location and spatial clustering of artists. *Regional Science and Urban Economics*, 47, 128–137. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2013.09.008>
5. Ardenne, P. (2002). *Un art contextuel*. Flammarion.

6. Ashley, A. J., Loh, C. G., Bubb, K., & Durham, L. (2021). Diversity, equity, and inclusion practices in arts and cultural planning. *Journal of Urban Affairs*, 1–21. <https://doi.org/10.1080/07352166.2020.1834405>
7. Avdeeva, Yu. N. Cultural Memory of Migrants of the Krasnoyarsk Territory (Krai) and Ethnic Self-Identification Processes / Yu. N. Avdeeva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2018. – Vol. 11, No. 6. – P. 858-873. – DOI 10.17516/1997-1370-0277. – EDN XRFYEH.
8. Barker, V. (2019). The democratic development potential of a cultural ecosystem approach. *The Journal of Law, Social Justice and Global Development*, 24, 86–99. <https://doi.org/10.31273/lgd.2019.2405>
9. Belfiore E. Art as a means of alleviating social exclusion: Does it really work? A critique of instrumental cultural policies and social impact studies in the UK // *International journal of cultural policy*. – 2002. – V. 8. – №. 1. – P. 91-106.
10. Belfiore E. Auditing culture: the subsidized cultural sector in the New Public Management // *International journal of cultural policy*. – 2004. – V. 10. – №. 2. – P. 183-202.
11. Belfiore E. On bullshit in cultural policy practice and research: notes from the British case // *International journal of cultural policy*. – 2009. – V. 15. – №. 3. – P. 343-359.
12. Belfiore, E., & Bennett, O. (2008). *The social impact of the arts: An intellectual history*. Palgrave Macmillan.
13. Bingham-Hall, J., & Kaasa, A. (2011). *New cultural infrastructure: Can we design the conditions for culture?* *Theatrum-Mundi*.
14. Borén, T., & Young, C. (2013). Getting creative with the ‘Creative City’? Towards new perspectives on creativity in Urban policy. *International Journal of Urban and Regional Research*, 37(5), 1799–1815. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2012.01132.x>
15. Borén, T., & Young, C. (2017). Artists and creative city policy: Resistance, the mundane and engagement in Stockholm, Sweden. *City, Culture and Society*, 8, 21–26. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2016.05.002>
16. Borrup, T. (2011). The emergence of a new cultural infrastructure: Lessons from Silicon Valley. *Journal of Urban Culture Research*, 2, 16–29.
17. Borrup, T. (2017). Can cultural planning help build more equitable cities? Retrieved April 21, 2018, from <http://www.giarts.org/article/just-planning>
18. Borrup, T. (2018). *Cultural Planning at 40 – A Look at the Practice and its Progress*. *Creative Community Builder*.
19. Borrup, T. (2019). Cultural planning at 40: The community turn in the arts. *Journal of Urban Culture Research*, 18, 17–35.

20. Borrup, T. (2020). *The power of culture in city planning* (1st ed.). Routledge.
21. Braund, M., & Reiss, M. J. (2019). The 'Great Divide': How the arts contribute to science and science education. *Canadian Journal of Science, Mathematics and Technology Education*, 19(3), 219–236. <https://doi.org/10.1007/s42330-019-00057-7>
22. Campo, D., & Ryan, B. D. (2008). The entertainment zone: Unplanned nightlife and the revitalization of the American downtown. *Journal of Urban Design*, 13(3), 291–315. <https://doi.org/10.1080/13574800802319543>
23. City of Chicago. (2012). *City of Chicago cultural plan 2012*.
24. City of Dallas. (2018). *Dallas cultural plan 2018*. City of Dallas.
25. City of Denver. (2012). *Imagine 2020: Denver's cultural plan*. City of Denver.
26. City of San José. (2011). *Cultural connection: City of San José cultural plan for 2011–2020*. City of San Jose.
27. City of Seattle. (2021). *Racial equity*. Retrieved April 19, from <https://www.seattle.gov/arts/programs/racial-equity>
28. Colomb, C. (2016). Pushing the Urban frontier: Temporary uses of space, city marketing, and the creative city discourse in 2000S Berlin. *Journal of Urban Affairs*, 34(2), 131–152. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9906.2012.00607.x>
29. Durrer V. et al. Cultural policy is local: Understanding cultural policy as situated practice. – Springer Nature, 2023. – 267 p.
30. Duxbury, N., Garrett-Petts, W. F., & MacLennan, D. (2015). *Cultural mapping as cultural inquiry*. Routledge.
31. Florida, R. (2002). *The rise of the creative class: And how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. Basic Books.
32. Frost-Kumpf, H. A. (1998). *Cultural districts: Arts management and urban redevelopment*. Americans for the Arts.
33. Gilmore, A. (2013). Cold spots, crap towns and cultural deserts: The role of place and geography in cultural participation and creative place-making. *Cultural Trends*, 22(2), 86–96. <https://doi.org/10.1080/09548963.2013.783174>
34. Glaser, B., & Strauss, A. (1967). *The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research*. Aldine Publishing Company.
35. Hager, M. A., & Sung, H. (2012). Local arts agency participation in cultural tourism management. *Journal of Heritage Tourism*, 7(3), 205–217.
36. Hargrove, C. (2014). *Cultural tourism: Attracting visitors and their spending*. AFTA.

37. Hoch, C. (2012). Making plans. In R. Weber & R. Crane (Eds.), *The Oxford handbook of planning* (pp. 241–258). Oxford University Press.
38. Holden, J. (2015). *The ecology of culture*. Arts & Humanities Research Council.
39. Jones, B. (1993). Current directions in cultural planning. *Landscape and Urban Planning*, 26(1-4), 89–97.
40. Kennedy, R. (2016). An artist who calls the sanitation department home. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2016/09/22/arts/design/mierle-laderman-ukeles-new-york-city-sanitation-department.html>
41. Kovacs, J. F. (2011). Cultural planning in Ontario, Canada: Arts policy or more? *International Journal of Cultural Policy*, 17(3), 321–340. <https://doi.org/10.1080/10286632.2010.487152>
42. Lawton, P. H., & La Porte, A. M. (2015). Beyond traditional art education: Transformative lifelong learning in community-based settings with older adults. *Studies in Art Education*, 54(4), 310–320. <https://doi.org/10.1080/00393541.2013.11518905>
43. Lee H., Lim L. (ed.). *Cultural policies in East Asia: dynamics between the state, arts and creative industries*. – Springer, 2014.
44. Los Angeles County Arts Commission. (2017). *Cultural equity and inclusion initiative*. LA County Arts Commission.
45. Lowell, J. F. (2008). *State arts policy: Trends and future prospects*. RAND.
46. Miles, M. (1997). *Art, space and the city: Public art and urban futures*. Routledge.
47. Mills, D. (2003). Cultural planning – Policy task, not tool. *Artwork Magazine*, 55, 7–11.
48. Molina, G., & Guinard, P. (2017). Arts in cities – Cities in arts. *Articulo. Journal of Urban Research*, 15. <https://doi.org/10.4000/articulo.3097>
49. Mulcahy, K. V. (2002). The state arts agency: An overview of cultural federalism in the United States. *The Journal of Arts Management, Law, and Society*, 32(1), 67–81.
50. NEA. (2021). *National endowment for the arts homepage*. Retrieved August 27, from <https://www.arts.gov>
51. NYC Cultural Affairs. (2013). *Create NYC: A cultural plan for all New Yorkers*. NYC Cultural Affairs; NYC Office of the Mayor.
52. Okano, H., & Samson, D. (2010). Cultural urban branding and creative cities: A theoretical framework for promoting creativity in the public spaces. *Cities*, 27, S10–S15. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2010.03.005>

53. Pogrebin, R. (2017, July 19). Mayor ties arts money to diversity. *The New York Times*, C1. <https://www.nytimes.com/2017/07/19/arts/design/new-york-cultural-plan-museums.html>
54. Powell, K. A. (2015). ReMapping the city: Palimpsest, place, and identity in art education research. *Studies in Art Education*, 50(1), 6–21. <https://doi.org/10.1080/00393541.2008.11518752>
55. Redaelli, E. (2012). Cultural planning in the United States: Toward authentic participation using GIS. *Urban Affairs Review*, 48(5), 642–669. <https://doi.org/10.1177/1078087412441158>
56. Redaelli, E. (2018). Understanding American cultural policy: The multi-level governance of the arts and humanities. *Policy Studies*, 41(1), 80–97. <https://doi.org/10.1080/01442872.2018.1554804>
57. Redaelli, E. (2019a). *Connecting arts and place: Cultural policy and American cities*. Palgrave.
58. Redaelli, E. (2019b). Cultural districts: Mixing the arts and other businesses. In *Connecting arts and place: Cultural policy and American cities*. Palgrave.
59. Redaelli, E. (2019c). Cultural planning: Positioning arts and place in the policy discourse. In *Connecting arts and place: Cultural policy and American cities*. Palgrave.
60. Redaelli, E., & Stevenson, D. (2021). Arts in the city: Debates in the *Journal of Urban Affairs*. *Journal of Urban Affairs*, 1–15. <https://doi.org/10.1080/07352166.2021.1919020>
61. Rosario Jackson, M. (2009). Toward diversity that works: Building communities through arts and culture. In A. Grant-Thomas & G. Orfield (Eds.), *Twenty-first century color lines. Multiracial change in contemporary America* (pp. 220–234). Temple University Press.
62. Rosenstein, C. (2011). Cultural development and city neighborhoods. *City, Culture and Society*, 2(1), 9–15. <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2011.02.002>
63. Rushton, M. (2003). Transaction cost politics and the National Endowment for the Arts. *Poetics*, 31(2), 133–150. [https://doi.org/10.1016/S0304-422X\(03\)00020-2](https://doi.org/10.1016/S0304-422X(03)00020-2)
64. Ryberg, S. R., Salling, M., & Soltis, G. (2012). Putting artists on the map: The geography of artists in Cuyahoga County, Ohio. *Journal of Urban Affairs*, 35(2), 219–245. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9906.2012.00623.x>
65. Sandell, R., & Zimmerman, E. (2017). Evaluating a museum-based professional learning community as a model for art education leadership development. *Studies in Art Education*, 58(4), 292–311. <https://doi.org/10.1080/00393541.2017.1368291>

66. Schuster, J. M. (2002). Sub-national cultural policy – Where the action is: Mapping state cultural policy in the United States. *International Journal of Cultural Policy*, 8(2), 181–196. <https://doi.org/10.1080/1028663022000009623>
67. Skaggs, R. (2020). A networked infrastructure of cultural equity? Social identities in the missions of local arts agencies. *The Journal of Arts Management, Law, and Society*, 1–16. <https://doi.org/10.1080/10632921.2020.1845890>
68. Soren, B. J. (1993). Nurturing mind, spirit, and a love of the arts and sciences: Schools and cultural organizations as educators. *Studies in Art Education*, 34(3), 149–157.
69. Stevenson, D., & Magee, L. (2017). Art and space: Creative infrastructure and cultural capital in Sydney, Australia. *Journal of Sociology*, 53(4), 839–861.
70. Strom, E. (2002). Converting Pork into Porcelain. Cultural institutions and downtown development.
71. Strom, E. (2010). Artist Garret as growth machine? Local policy and artist housing in U.S. Cities. *Journal of Planning Education and Research*, 29(3), 367–378. <https://doi.org/10.1177/0739456x09358560>
72. Strom, E., & Cook, A. (2004). Old pictures in new frames: Issue definition and federal arts policy. *Review of Policy Research*, 21(4), 505–522.
73. Ten Eyck, T. A., & Dona-Reveco, C. (2016). Reporting on art in the city: Newspaper coverage of public art in Philadelphia, New Orleans, San Francisco, and Chicago, 2001–2010. *Journal of Urban Affairs*, 38(4), 518–529. <https://doi.org/10.1111/juaf.12242>
74. Trask, J. (2015). The “Loft Cause” or “Bohemia Gone Bourgeois?”. *Journal of Urban History*, 41(6), 1017–1031. <https://doi.org/10.1177/0096144215602012>
75. Ulbricht, J. (2015). What is community-based art education? *Art Education*, 58(2), 6–12. <https://doi.org/10.1080/00043125.2005.11651529>
76. Wyszomirski, M. J., & Cherbo, J. M. (2003). Understanding the associational infrastructure of the arts and culture. In V. B. Morris & D. B. Pankratz (Eds.), *The arts in a new millennium. Research and the arts sector* (pp. 191–208). Prager Publisher.
77. Zebracki, M., & Palmer, J. M. (2018). Introduction to special issue: Urban public art: Geographies of co-production. *City & Society*, 30(1), 5–13. <https://doi.org/10.1111/ciso.12152>
78. Асадчих, А. А. Исследовательские подходы к проведению цифровых культурных исследований: аналитический обзор / А. А. Асадчих, Ю. А. Сушинская // *Цифровизация*. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 26-33. – EDN QGYDDK.

79. Бакланов, Ю. А. Влияние теории перформатизма на современное понимание перформанса как формы искусства / Ю. А. Бакланов // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 38-48. – EDN FSBYHW.
80. Белецкая, У. А. Музей как предмет культурологических исследований / У. А. Белецкая // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 84-89. – EDN JGHOAY.
81. Дегтяренко, К. А. Авангард и техника: художественное конструирование возможного будущего / К. А. Дегтяренко, Т. К. Ермаков // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 8. – С. 1454-1464. – EDN BYNIVD.
82. Дегтяренко, К. А. Научно-художественные инновации в советском изобразительном искусстве 1919-1930 годов / К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева, Ю. Н. Менжуренко // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 1247-1256. – EDN LPQAXY.
83. Дегтяренко, К. А. Современные исследования Digital Memory / К. А. Дегтяренко // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 4. – С. 20-26. – EDN GKHKMV.
84. Ермаков, Т. К. Конструирование художественных метанарративов в современной культуре: формальные и смыслообразующие аспекты / Т. К. Ермаков, К. А. Дегтяренко, А. А. Шпак // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 681-693. – EDN LQPLYW.
85. Ермаков, Т. К. Элементы ретрофутуризма в искусстве демосцены / Т. К. Ермаков // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 4. – С. 27-36. – EDN HGTLBG.
86. Жигаева, А. А. Культурные доминанты: текстуальное и визуальное / А. А. Жигаева // Сибирский антропологический журнал. – 2024а. – Т. 8, № 4. – С. 49-57. – EDN XVESXI.
87. Жигаева, А. А. Природа искусства в инсталляции Джозефа Кошута «Один и три стула» (на примере инсталляции из Museum of Modern Art в Нью-Йорке) / А. А. Жигаева // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2024б. – Т. 3, № 2. – С. 20-33. – DOI 10.31804/2782-4926-2024-20-33. – EDN FRAGAO.
88. Замараева, Ю. С. Индустрия 4.0 к Индустрии 5.0: концепция Гэри Меткалфа / Ю. С. Замараева, Н. П. Копцева // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 2. – С. 8-40. – EDN TSUIJN.
89. Зотов, С. О. Техника как предмет исследований в философии культуры / С. О. Зотов // Сибирский антропологический журнал. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 42-48. – EDN WYUOEJ.

90. Иванова, Л. С. Социокультурные возможности музеев Красноярска как пространств межкультурной коммуникации / Л. С. Иванова, А. В. Кистова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 46-55. – DOI 10.31806/2542-1158-2022-6-2-46-55. – EDN FXHPGP.
91. Искусство оформления массовых советских праздников (1918-1923 гг.) / М. А. Колесник, Н. М. Лещинская, А. А. Омелик, Т. К. Ермаков // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 11. – С. 1918-1935. – EDN FAXHTR.
92. Итоги научного семинара «Теории и практики прикладных культурных исследований» 13 февраля 2023 года (МАУ «Дом кино», Красноярск) / Н. П. Копцева, А. А. Ситникова, С. И. Юферова [и др.] // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2023. – Т. 2, № 3. – С. 33-53. – DOI 10.31804/2782-4926-2023-2-3-33-53. – EDN FWYLSN.
93. Карлова, О. А. Идентификация профессионального выбора студентов-педагогов: ценностно-культурный аспект / О. А. Карлова, О. В. Мясоутов // Сибирский антропологический журнал. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 16-24. – EDN KLUZGF.
94. Квашнина, Ю. В. Культурные практики индустриализации 1960-1980-х годов как опыт стратегии формирования и накопления человеческого капитала в Г. Красноярске / Ю. В. Квашнина // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024b. – Т. 8, № 4. – С. 57-63. – EDN CZVYCX.
95. Квашнина, Ю. В. Эстетические культурные практики индустриализации Красноярского края 1960-1970 гг. В свете концепции «мягкой силы» Джозефа Ная / Ю. В. Квашнина // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024a. – Т. 8, № 3. – С. 61-67. – EDN TAURKL.
96. Кистова, А. В. Конструирование этнокультурной и общенациональной идентичностей на основе этнографического подхода в социальной философии: специальность 09.00.11 "Социальная философия" диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Кистова Анастасия Викторовна. – Красноярск, 2013. – 176 с. – EDN SXSGCR.
97. Кистова, А. В. Культурные факторы в контексте этнической идентификации / А. В. Кистова // Специфика этнических миграционных процессов в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции, Красноярск, 27–29 сентября 2018 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – С. 170-176. – EDN ISZABP.

98. Колесник, М. А. Искусственный интеллект в сфере культуры и искусства: обзор отечественных публикаций / М. А. Колесник, А. А. Омелик // Социология искусственного интеллекта. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 35-45. – EDN UXOYHC.
99. Колесник, М. А. Конструирование русской культурной идентичности: концептуальный и методологический подходы: специальность 24.00.01 "Теория и история культуры" диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии / Колесник Мария Александровна, 2016. – 168 с. – EDN VGMLNM.
100. Колесник, М. А. Философские основы цифрового гуманизма / М. А. Колесник, Н. П. Копцева // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 1. – С. 18-34. – EDN DONPLW.
101. Копцева, М. С. Понятие «культурная трансформация» в современной теории и истории культуры / М. С. Копцева // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 47-56. – EDN XRLIJS.
102. Копцева, Н. П. Актуальные тенденции влияния искусственного интеллекта на современную визуальную культуру / Н. П. Копцева, А. А. Шпак, М. С. Копцева // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 1257-1268. – EDN LVMULS.
103. Копцева, Н. П. К вопросу о методологической стратегии современной урбанистической антропологии / Н. П. Копцева, Е. А. Сертакова // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 103-120. – EDN TMZEVN.
104. Копцева, Н. П. Культурная память и этническая идентификация / Н. П. Копцева, Ю. Н. Менжуренко, К. А. Дегтяренко. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-7638-4502-0. – EDN NTSGGY.
105. Копцева, Н. П. Новое культурное пространство Сибири (на материале Красноярского края) / Н. П. Копцева, А. М. Борисенко, Н. О. Немаева. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022. – 209 с. – ISBN 978-5-7638-4476-4. – EDN EJYRQV.
106. Копцева, Н. П. Современные исследования в области социологии искусственного интеллекта: базовые подходы. Часть 6.9 / Н. П. Копцева // Социология искусственного интеллекта. – 2025. – Т. 6, № 1. – С. 8-22. – EDN AMQRDK.
107. Копцева, Н. П. Сумма методов современной урбанистической антропологии: постановка проблемы / Н. П. Копцева, Е. А. Сертакова // Урбанистика. – 2015. – № 2. – С. 40-53. – DOI 10.7256/2310-8673.2015.2.16354. – EDN UHXSJRJ.

108. Копцева, Н. П. Техно-футуризм в современных социальных исследованиях / Н. П. Копцева, Ю. С. Замараева // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 494-504. – EDN PPWTQU.
109. Копцева, Н. П. Цифровые гуманитарные науки и культурное наследие в средах с поддержкой искусственного интеллекта и информационных технологий: концепция С. Бретнах и Т. Маргария / Н. П. Копцева, А. А. Шпак // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 4. – С. 8-19. – EDN DLPIFG.
110. Костылев, С. В. стратегическое управление развитием культуротворческой среды / С. В. Костылев // Сибирский антропологический журнал. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 58-63. – EDN ZBBXKZ.
111. Культурная жизнь Красноярского края в отражении газетной публицистики 1918 года (на примере газеты «Красноярский рабочий») / О. М. Хомушку, Е. С. Костяева, Л. В. Безрукова, И. Ю. Макачук // Сибирский антропологический журнал. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 94-103. – EDN JTZVBD.
112. Лещинская, Н. М. Культурные аспекты гендерных образов: обзор современных зарубежных исследований / Н. М. Лещинская // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 135-142. – EDN ВЕОСВІ.
113. Либакова, Н. М. Аккультурационный стресс и технологии его преодоления / Н. М. Либакова // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы : Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Красноярск, 30 ноября – 02 2015 года. – Красноярск, 2016. – С. 329-333. – EDN ZFYVZJ.
114. Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 184 с. – ISBN 978-5-7638-4350-7. – EDN GEDBOV.
115. Мэн, С. Цифровые платформы как инструмент сохранения и трансформации культурной идентичности китайской традиционной музыки / С. Мэн // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 143-154. – EDN WWEIIR.
116. Образ ученого в периодике Российской империи («Ученые записки Императорского Юрьевского университета») / А. А. Ситникова, Н. М. Лещинская, Е. А. Сертакова, М. А. Колесник // Былые годы. – 2023. – № 18(2). – С. 893-902. – DOI 10.13187/bg.2023.2.893. – EDN ICIOGT.

117. Пименова, Н. Н. "Культурная политика": концепция Дэвида Белла и Кейт Окли / Н. Н. Пименова, Ю. С. Замараева // Северные Архивы и Экспедиции. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 37-49. – EDN HLDYJ.

118. Пименова, Н. Н. Социально-культурные основания противодействия экстремизму, терроризму и коррупции / Н. Н. Пименова, Е. А. Сертакова // Сибирский антропологически Пименова, Н. Н. NFT-искусство и новый арт-рынок: взлет применения блокчейн-технологий в 2021 году / Н. Н. Пименова // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 8-18. – EDN CXRAPA.

119. Пименова, Н. Н. Цифровое искусствознание: возможная типология баз данных по искусству / Н. Н. Пименова, А. А. Шпак, К. А. Дегтяренко // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 12. – С. 2273-2284. – EDN AAYGXA.

120. Русская культура в зеркале периодики Российской империи рубежа XIX—XX вв. / Н. П. Копцева, К. А. Дегтяренко, Т. К. Ермаков [и др.]. – Красноярск: Содружество просветителей Красноярья, 2024. – 330 с. – ISBN 978-5-605-07712-1. – EDN PQJEXN.

121. Середкина, Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: специальность 09.00.11 "Социальная философия" автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Середкина Наталья Николаевна. – Красноярск, 2013. – 25 с. – EDN QZJPCR.

122. Середкина, Н. Н. Понятие «художественные практики»: тематический анализ научной литературы (1990-2023 гг.) / Н. Н. Середкина // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 751-765. – EDN STXBOC.

123. Середкина, Н. Н. Трансформация этнокультурной идентичности в общероссийскую гражданскую идентичность: культурологический анализ / Н. Н. Середкина. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. – 176 с. – ISBN 978-5-605-07715-2. – EDN ASTOMR.

124. Сертакова, Е. А. Понятие "сеть" Джона Барнса как аналитический подход в познании системы социальных отношений / Е. А. Сертакова // Молодежь и наука: Сборник материалов VI-й Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Электронный ресурс), Красноярск, 20–25 апреля 2010 года / Ответственный редактор: О.А. Краев. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. – EDN VCSSHX.

125. Сертакова, Е. А. Философские основания современной урбанистической антропологии / Е. А. Сертакова // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 70-86. – EDN UWASBH.
126. Ситникова, А. А. Городская художественная культура: современные концептуальные основания и методологические подходы к изучению / А. А. Ситникова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 11. – С. 1999-2009. – EDN DMBMTB.
127. Ситникова, А. А. Красноярская художественная культура конца XX - начала XXI вв. / А. А. Ситникова. – Красноярск: Красноярская региональная общественная организация Содружество, 2024а. – 214 с. – ISBN 978-5-605-07713-8. – EDN KXCRLH.
128. Ситникова, А. А. Специфика идеалообразования в городской художественной культуре / А. А. Ситникова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024б. – Т. 17, № 1. – С. 68-83. – EDN DKDIUV.
129. Ситникова, А. А. Теоретические, прикладные и синтетические методы исследования культуры как социально-антропологической системы / А. А. Ситникова // Социальная антропология Сибири. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 6-17. – EDN ICEFEC.
130. Теория и практика прикладных культурных исследований: региональный проект: Коллективная монография / Н. П. Копцева, А. А. Семенова, К. В. Резникова [и др.]. – Санкт-Петербург: Эйдос, 2013. – 224 с. – ISBN 978-5-904745-22-6. – EDN SPRIDX.
131. Фролова, А. А. Влияние культуры эпохи Возрождения на моду XXI века на примере анализа коллекции одежды Dolce & Gabbana Alta Moda 2020 / А. А. Фролова // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2023. – Т. 2, № 4. – С. 36-45. – DOI 10.31804/2782-4926-2023-2-4-36-45. – EDN MVSMKD.
132. Хребтов, М. Я. Проблематика религиозной культуры в современном научном пространстве / М. Я. Хребтов // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 115-125. – EDN KDKKJE.
133. Художник в периодическом издании Российской империи «Вестник изящных искусств» 1880-х годов / Н. А. Сергеева, А. В. Кистова, Т. К. Ермаков, А. А. Омелик // Былые годы. – 2023. – № 18(3). – С. 1396-1408. – DOI 10.13187/bg.2023.3.1396. – EDN SJPXKD.
134. Шпак, А. А. Будущее сферы труда для научно-технологического развития региона: тенденции, концепции, технологии, направления исследования / А. А. Шпак, Р. А. Барышев // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 9-18. – EDN ROUKGT.

135. Шпак, А. А. Динамика социально-технических и социально-экологических систем в концепции Дэвида Инга / А. А. Шпак, В. И. Кирко // Социология искусственного интеллекта. – 2024а. – Т. 5, № 2. – С. 24-58. – EDN SKRTSZ.

136. Шпак, А. А. Концептуальные и методологические основы исследования сложных социальных идентичностей / А. А. Шпак // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 48-60. – EDN LJMMEJ.

137. Шпак, А. А. Проблемы применения технологий искусственного интеллекта в социологическом аспекте / А. А. Шпак // Социология искусственного интеллекта. – 2021. – Т. 2, № 4. – С. 43-46. – DOI 10.31804/2712-939X-2021-2-4-43-46. – EDN QVBASW.

138. Шпак, А. А. Социальное неравенство в цифровую эпоху: концепция Йорга Шеффера / А. А. Шпак, В. И. Кирко // Социология искусственного интеллекта. – 2024б. – Т. 5, № 4. – С. 21-48. – EDN LPBTJR.

139. Шпак, А. А. Социальные трансформации: искусственный интеллект в эпоху метавселенных / А. А. Шпак // Социология искусственного интеллекта. – 2025. – Т. 6, № 1. – С. 76-84. – EDN URUXKL.